

ГРУЗИЯ В 2010 г.

Гига Зедания

В 2010 г. многое закончилось, многое началось. Я выделяю четыре события из сферы политики и шире, общественной жизни, ознаменовавших завершение или, наоборот, начало важнейших общественных или политических тенденций в нашей стране. Надеюсь, что тем самым удастся в некотором смысле подвести итоги 2010 г.

Чтобы рассказать о сюжетах, нашедших в 2010 г. свое завершение, придется немного обратиться к прошлому. В политической жизни Грузии вплоть до 2010 г. центральное место занимал процесс, сущностью которого была попытка повторения Революции роз. Начавшись в 2007 г., он до основания потряс политическую систему Грузии. Чтобы ослабить напряженность, президенту Саакашвили пришлось назначить досрочные президентские и парламентские выборы. Он с трудом, но выиграл президентские выборы в январе 2008 г., однако эта победа не положила конец попыткам новой революции: они продолжались вплоть до мая 2008 г., когда правящая партия «Национальное движение» с огромным перевесом обошла оппозицию на парламентских выборах. В тот момент бесплодность попыток воспроизвести революцию уже казалась очевидной, тем более, что оппозиция к тому времени потеряла сыгравшую ключевую роль при запуске этого процесса финансовую поддержку со стороны олигарха Бадри Патаркацишвили, а равно и медийную поддержку со стороны телеканала «Имеди» (первую – вследствие наступившей в Лондоне кончины олигарха, а вторую – в результате последовавшего за его смертью захвата телеканала правительством). После этих потерь и поражения на парламентских выборах 2008 г. оппозиция была совершенно дезориентирована.

Однако после российско-грузинской войны 2008 г. широкомас-

штабная митинговая активность оппозиции возобновилась. Произошло это, правда, не сразу после войны (что было бы воспринято как прямая поддержка российской политики, направленной на смену режима в Грузии), а весной 2009 г. Оппозиция явно надеялась на повторение событий 2007 г., когда президент распорядился разогнать демонстрации, а потом вынужден был уйти в отставку, поскольку его демократический имидж слишком сильно пострадал. Однако в 2009 г. правительство поступило иначе: оно отказалось от применения силы и позволило протестной волне сойти на нет. И в самом деле, к лету 2009 г. митинги прекратились, но осталось ощущение, что после войны и ширококомасштабных демонстраций легитимность правительства нуждается в подтверждении. Таким подтверждением стали местные выборы, прошедшие весной 2010 г.

Значимость и особенность этих выборов состояла еще и в том, что на них впервые напрямую избирался мэр Тбилиси – города, где проживает самый активный электорат страны. Для правящей партии с этим были связаны некоторые риски, поскольку в 2008 г. Саакашвили хотя и выиграл выборы по стране в целом, но именно в Тбилиси проиграл (набрав всего 32% голосов против своего соперника Гачечиладзе). В 2010 г. в Тбилиси правящая партия преуспела на выборах намного больше, чем в 2008 г.: Национальное движение получило 52,5%, Альянс за Грузию – 17,9%, Христианско-демократическое движение – 12,05%, Национальный совет – 8,2% и индустриалисты – 6,2%.

Результаты голосования отражают главную проблему оппозиции, приведшую к столь жестокому поражению – неспособность объединиться, ставшую следствием отсутствия как бесспорного лидера, так и общей системы ценностей и взглядов. Водораздел проходил именно так – по личным амбициям отдельных лидеров и по двум основным политическим ориентациям: прозападной и пророссийской.

Предвыборная кампания проходила очень интересно: за ее время сформировался открыто пророссийский лагерь, не только не скрывавший более своих предпочтений, но смело их демонстрировавший.

Этот лагерь состоял из двух конгломератов – партии «Свободные демократы» под руководством Нино Бурджанадзе, настаивавшей на необходимости смены власти революционным путем и потому не принявшей участие в выборной гонке, и Зураба Ногаидели с новым союзником в лице Звиада Дзидзигури. Лидеры обеих групп встречались с российским руководством, в том числе с Путиным. Однако, как показали выборы, пророссийская ориентация не нравится грузинскому электорату. Бытует мнение, что Бурджанадзе не пошла на выборы в том числе и потому, что боялась катастрофического провала. Что же до Ногаидели, то по Тбилиси он занял третье место с 8% голосов, а по стране в целом набрал всего 3-4%.

Местные выборы прошли 31 мая 2010 г. По оценкам международных обозревателей, на них был сделан заметный шаг вперед в направлении выполнения обязательств перед ОБСЕ и соответствия международным стандартам проведения демократических выборов. Все партии имели доступ к СМИ и возможность проводить избирательную кампанию. Списки избирателей были уточнены и проверены ЦИК при участии нескольких политических партий, причем государство выделило для этого дополнительное финансирование. ЦИК вел себя профессионально и демонстрировал готовность сотрудничать и с основными политическими игроками, и с международными и местными обозревателями.

Местные и международные наблюдатели отметили ряд недостатков; в частности, они критиковали как избирательное законодательство, так и факты его неравного применения к разным участникам выборов. Случаев запугивания было отмечено меньше, чем на предыдущих выборах, но все же они имели место. Различия между правительством и правящей партией было размыто, государственные чиновники агитировали в пользу правящей партии, используя при этом государственные ресурсы. Главным недостатком этих, как и предыдущих выборов, были серьезные нарушения в ходе подсчета голосов.

Эти выборы отчасти повлияли и на внешнюю политику Грузии.

После войны и в свете широкой митинговой активности лидеры западных стран довольно сдержанно относились к современной Грузии и к Саакашвили. И дело не только в том, что ему вменяли в вину авантюризм, проявленный во время войны. Была и более прагматическая причина: не было уверенности, что его партия выдержит давление извне и, что не менее важно, что это не будет сделано в ущерб демократическим завоеваниям Грузии. Однако местные выборы показали, что народ поддерживает правительство несравнимо больше, чем кого-либо из его противников, и что правительство не готово на открыто авторитарные шаги. Президент Грузии, который, как утверждали его противники, находился до того в некоторой международной изоляции, вскоре после выборов встретился с высокопоставленными представителями европейских стран, США и региональных держав.

Если революционные процессы в стране после местных выборов завершились или как минимум прервались надолго (хотя в последнее время две разные партии в Грузии и выступили с призывами к революции, к этому никто серьезно не отнесся), то другое событие, произошедшее в 2010 г., положило начало новому политическому процессу.

Речь идет о принятии 15 октября 2010 г. новой конституции. Это событие, в значительной мере определившее будущий политический расклад, тоже было неоднозначно воспринято изнутри и извне страны. Некоторые подчеркивают тот факт, что в новой конституции сделан шаг к европеизации и демократизации политической системы Грузии, в которую внесены целый ряд элементов парламентаризма. Другие осуждают то обстоятельство, что новая конституция дала Михаилу Саакашвили возможность продлить свои властные полномочия после 2013 г., когда истечет его президентский срок, заняв кресло премьер-министра и тем самым, по новому Основному закону страны, вновь стать самой сильной фигурой на грузинской политической арене.

Конституционная комиссия была создана еще летом 2009 г. в

контексте умиротворения оппозиционной митинговой активности. Поскольку одним из основных требований оппозиции был переход от президентской системы правления к парламентской, правительство отреагировало созданием конституционной комиссии и приглашением всех оппозиционных партий к участию в ее работе. Однако большинство непарламентских партий отклонило это приглашение, а парламентские партии активно вовлеклись в процесс и добились некоторых изменений в конституционном проекте. Гражданское общество вело себя довольно пассивно, что объяснялось как отсутствием у него интереса, а возможно, и квалификации в этой области, так и тем, что подготовка проекта конституции шла чрезвычайно поспешно. По мнению многих экспертов, этот процесс никак нельзя было назвать образцом публичности и демократизма (например, сроки публичного обсуждения проекта почему-то выпали на сезон отпусков в августе, когда закрыты многие СМИ, и в частности, серьезные журналы). Основным противовесом государству стало – как это часто бывает – международное сообщество, в данном случае в лице Венецианской комиссии.

В проекте новой конституции предусматривается парламентская система при сильном президенте. Президент продолжает быть всенародно избираемым главой государства, за ним остаются назначения на ключевые посты в сфере иностранных дел и безопасности, особые прерогативы в случае войны, а также, в определенных случаях, право распускать парламент и влиять на вотум недоверия премьер-министру. Центральной фигурой в новой системе становится и премьер – глава правительства, избираемый парламентом. В действительности, сильных фигур в этой системе две – президент и премьер.

Впрочем, к этому практически и сводятся предусматриваемые новой системой сдержки и противовесы, причем процедура выражения вотума недоверия премьер-министру крайне сложна. Для того чтобы сместить премьера, потребуется большинство из 3/5 парламента на протяжении двух месяцев. Сторонники этой моде-

ли ссылаются на то, что в ином случае политическая система Грузии станет крайне нестабильной из-за неразвитости политических партий. Противники же новой модели отмечают, что в реальности она существенно ослабит парламент и даст слишком много власти премьер-министру. Это же утверждается и в заключении Венецианской комиссии, в целом, однако, положительном. Так или иначе, сложился консенсус по поводу того, что новая конституция, которая вступит в силу после президентских выборов 2013 г., демократичнее нынешней.

Между тем, больше всего новую конституцию критиковали вовсе не за ее содержание. Широко распространилось мнение, что конституционная реформа проводилась вовсе не с целью демократизации или замирения оппозиции, а лишь для того, чтобы Саакашвили смог остаться у власти по истечении своих двух президентских сроков в 2013 г. И в течение 2010 г., и впоследствии на эту тему звучали всевозможные спекуляции. Сам Саакашвили умышленно расплывчато высказывался о своих планах на будущее – по утверждению некоторых, потому что не хотел стать «хромой уткой», заранее признавшись, что не собирается в премьеры. Впрочем, большинство наблюдателей придерживалось иного мнения. В любом случае, все эти подозрения не отменяют значимости новой конституции и не превращают ее лишь в средство легитимации неограниченного пребывания у власти одного человека. Не имей конституция никакого значения, она не была бы столь радикально изменена в 2004 г., когда в руках президента была сосредоточена огромная власть. Есть все основания полагать, что новая конституция сыграет важную роль в изменении конфигурации политической системы Грузии и что ее принятие стало отправной точкой нового политического процесса, которому предстоит определить политические события будущего.

Что же касается прочих факторов, которые повлияют на эти события, а также того, выставит ли Саакашвили свою кандидатуру на пост премьера, то тут, конечно, необходимо учесть расклад внешних сил – США, Европы и России. Важную роль сыграет и состояние

экономики Грузии. Хотя 2010 г. в этом отношении и не был провальным – по сравнению с 2009 г., когда в экономике Грузии произошел спад на 4%, в 2010 г. имелся шестипроцентный рост, – все же в 2010 г. сократились прямые инвестиции, предположительно вследствие мирового экономического кризиса и внутренних беспорядков в Грузии. Цены в 2010 г. стремительно росли, и некоторые эксперты даже подвергали сомнению устойчивость грузинской экономической модели в целом.

Переходя от политики к более широкой сфере общественных ценностей и представлений, позволю себе сделать методологическое замечание, а именно, отметить, что конкретные события и даты имеют лишь символическую связь с идущими в стране общественными процессами, намного более сложными по своей природе, чем что бы то ни было, происходящее в сфере политики. Особого упоминания здесь заслуживают два текущих процесса: спад этнического национализма и подъем религиозного национализма.

Спад этнического национализма в грузинском обществе хотелось бы связать с событием, которое многим покажется не имеющим к нему никакого отношения – со сносом памятника Сталину в Гори. Разумеется, снос памятника произошел на фоне риторики о десоветизации Грузии и действительно стал шагом в этом направлении. Однако стоит задать вопрос: а какой именно аспект советского наследия воплощал собой этот памятник? Он ни в коей мере не был символом коммунистической идеологии как таковой – в отличие, например, от России, где коммунистическая партия по-прежнему популярна, в Грузии все последние годы она маргинальна на грани исчезновения. Некоторая степень популярности Сталина в Грузии связана со своего рода компенсацией этно-националистической неполноценности: пусть Грузией и правила Россия, зато Россией правил грузин. Таким образом, памятник, выстоявший пятьдесят лет политических перемен, символизировал не столько идеологический, сколько эмоциональный аспект, и не коммунизма, а этнического национализма. Соответственно, извлечение этого символа из

пространства общественной жизни Грузии, как и вялая реакция на это событие со стороны жителей Гори в частности и населения Грузии в целом, ознаменовали конец эпохи этнического национализма, продолжавшейся в Грузии с конца 1980-х гг.

Впрочем, спад этнического национализма сопровождался подъемом национализма иного типа, который я предлагаю называть «религиозным национализмом». В контексте этого процесса символической датой можно считать май 2010 г., когда, за несколько недель до выборов в органы местного самоуправления, экстремистские православные организации провели демонстрации перед зданием Тбилисского университета имени Илии Чавчавадзе. Поводом для демонстраций стала состоявшаяся в книжном кафе при университете презентация написанного малоизвестным писателем малоизвестного романа, содержащего оскорбительные для христиан высказывания. Впрочем, всем было очевидно, что, угрожая насилием студентам, преподавателям и сторонникам университета, организаторы акции просто испытывали правительство на прочность. И действительно, полиция ни во что не вмешивалась – возможно, власти опасались спровоцировать более широкомасштабные протесты, которые могли бы повлиять на исход местных выборов.

Конец у этой истории был довольно неожиданный: религиозные фундаменталисты в прямом эфире набросились на оппозиционно настроенных журналистов независимого телеканала «Кавказия», после чего полиция, наконец, вмешалась и арестовала нападавших. Впрочем, священника, стоявшего за этими акциями, Грузинская Православная Церковь немедленно повысила по службе, тем самым, видимо, дав понять, что не потерпит его ареста. И хотя насилие на религиозной почве происходило в Грузии и прежде, именно этот случай впервые привлек к себе внимание общественности. Важно, что это была не отдельная выходка некой маргинальной организации, а экстремальное проявление чрезвычайно широко распространенных в обществе настроений. В основе этой новой идеологии лежит спайка национализма и религиозности, определение грузинс-

кой идентичности через конфессиональную принадлежность, целый ряд крайне консервативных, нелиберальных и антидемократических принципов, а в некоторых вопросах – близость к позициям Российской Православной Церкви. Подъем религиозного национализма, содержащего в себе этническую компоненту и столь же непримиримого, как и предшествовавшая ему форма национализма, скорее всего, повлияет и на общественную жизнь, и на политические процессы в Грузии.